

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ТЮТЧЕВА И ВЯЗЕМСКОГО

Федосеева Екатерина Николаевна

*д-р филол. наук, профессор
 Иорданского государственного университета,
 Иордания, г. Амман
 E-mail: florence2000@mail.ru*

POETIC DIALOGUE BETWEEN TYUTCHEV AND VYAZEMSKY

Ekaterina Fedoseeva

*doctor of philological Sciences, full professor
 of Jordan University,
 Jordan, Amman*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются творческие и личностные взаимоотношения Вяземского и Тютчева в историко-литературном контексте, их поэтические отклики на творчество друг друга. Анализ созвучных мотивов и образов, непосредственно связанных с темой общения, позволяет выявить своеобразие художественной картины каждого из поэтов, раскрыть их индивидуальный и в то же время общий духовный и душевный опыт.

ABSTRACT

The article explores the creative and personal relationship between Vyazemsky and Tyutchev in the historical and literary context, their poetic responses to each other's work. The analysis of consonant motifs and images directly related to the topic of communication allows us to identify the originality of the artistic picture of the world of each of the poets, to reveal their individual and at the same time common spiritual and mental experience.

Ключевые слова: поэзия XIX века, лирика, диалог.

Keywords: poetry of the XIXth century, lyrics, dialogue.

Пушкин и Вяземский принадлежат к одному поколению пушкинской эпохи, поэтому естественным воспринимается их интеллектуальное и творческое притяжение, возникшее в начале 1840-х годов. Именно в этот период времени в лирическом наследии обоих поэтов обнаруживаются явные сближения. На это обратил внимание еще Н.А. Некрасов, опубликовавший в январской книжке «Современника» за 1850 год статью «Русские второстепенные поэты» [6]. В отечественном литературоведении творческие и личные взаимоотношения поэтов исследовал Д.Д. Благой, посвятивший этой проблеме специальную статью «Тютчев и Вяземский».

Вяземский принадлежал к так называемой «пушкинской плеяде». Это содружество, имеющее вполне определенный состав участников, выражалось в обмене репликами, созвучии мотивов и образов, соотносении своего поэтического слова с чужим, сотворчестве и живом соучастии. Вокруг Тютчева формировался совершенно иной союз поэтов, чей стиль и поэтика отличались от пушкинских. Тем не менее, лишь с одним Тютчевым Вяземский находил «кое-что общее» [1, с. 247]. «Тютчев не принадлежит к первоначальной нашей старине, — писал

Вяземский. — Он позднее к ней примкнул. Но он чувством угадал ее и во многих отношениях усвоил себе ее предания» [3, с. 11]. Вяземский тяжело переживал уход из жизни тех, с кем его связывали общие воспоминания, и этот пробел в какой-то мере восполнял только Тютчев, с которым он мог «перекликаться воспоминаниями последних двух десятилетий». Наличие общих учителей, единомышленников, органичное приятие Тютчевым любимой «старины», питавшей Вяземского всю его жизнь, создавало живительную среду для общения двух поэтов. Вяземский воспринимал Тютчева как связующее звено между пушкинским веком русской поэзии и современностью.

Основную часть лирических текстов, непосредственно обращенных Тютчевым к Вяземскому, составляют поздравления с именинами, днями рождений. В стихотворении «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» (1861) Тютчеву более всего важна одна грань личности Вяземского – его поэтическое дарование, поэтому он в основном рисует облик Вяземского-поэта:

Вас юношей настигнув в добрый час,
 Она в душе вас крепко полюбила
 И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
 Пеклась о вас, ласкала, берегла,
 Растила ваш талант, и с каждым годом
 Любовь ее нежнее все была. [7, II, с. 125]

Несмотря на то, что у музы свои привязанности и пристрастия, она, в отличие от судьбы, более разборчива, и ее дары – не по ошибке. Если судьба часто награждает недостойных, то муза долго испытывает своего избранника.

В этом посвящении Тютчев активно использует образы из поэтического словаря юбиляра. Так, «светлая» чаша – излюбленный художественный образ Вяземского. Полный до краев бокал вина – метафора неисчерпаемых творческих возможностей друга-поэта, чей талант набрал силу с годами.

Другое тютчевское послание написано непосредственно в день рождения Вяземского – 12 июля по старому стилю. Прекрасный июльский день – подарок князю Вяземскому от природы, способной откликнуться на радость человека своим цветением и красотой: «сама великая природа ваш торжествует юбилей».

В день именин Вяземского Тютчев шлет поздравление телеграфом. Существует две редакции этого поздравления. В редакции, озаглавленной «Телеграмма князю Вяземскому в Петергоф» (1865), текстовое пространство в меньшей степени отдано адресату поздравления, содержит автохарактеристику Тютчева, называющего себя «беспомощным и убогим». Физическое и душевное состояние больного человека представлено на контрасте с сияющей природой. Тютчев мысленно переносится в «дивный и светлый угол» Петергофа, где прожил в то время Вяземский. Оба поэта восхищались красотой этого места, неумолкаемым «напевом» фонтанов.

В другой редакции той же телеграммы «Князю Вяземскому» (1865) в числе всех прочих напастей, от которых Тютчев призывает Бога хранить Вяземского, названа и бессонница, которая стала для князя источником беспрестанных ночных мучений и одной из сквозных тем его поздней лирики.

Есть телеграф за наименьем ног,
 Неси он к вам мой стих полубольной.
 Да сохранит вас милосердный бог
 От всяких дряг, волнений и тревог,
 И от бессонницы ночной. [7, II, с. 161]

К Вяземскому обращено и полное упреков назидательное стихотворение Тютчева «Когда дряхлеющие силы ...» (1866), вызванное к жизни неправыми нападками князя в одной из эпиграмм на М.Н. Каткова, редактора газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». Это стихотворение практически ставило под удар отношения Вяземского и Тютчева. Тон послания весьма резок, и его нисколько не смягчает даже тот факт, что Тютчев делает героем стихотворения лирическое «мы». Тютчев молит доброго гения избавить души его ровесников и людей старшего поколения от «затаенной злости на обновляющийся мир», поскольку неразумно и недостойно пенять на естественное течение событий, закономерность хода исторического развития. Однако в более

раннем стихотворении «Как птичка раннею зарей...» (1831-1836) Тютчев говорит не только о несправедливости жалоб уходящего поколения, но в то же время и о «праведности» его упреков. Тютчев, как и Вяземский, ощущал себя «обломком» прежней жизни, «живым мертвецом», но вместе с тем проявлял больше терпимости и мудрой снисходительности и был рад благословить «новых гостей», пришедших на уготованный им пир.

Вяземский также обращался к Тютчеву с посланиями. Стихотворение «Ф.И. Тютчеву» (1864) является живым откликом Вяземского на тютчевскую миниатюру «О, этот юг, о, эта Ницца!..» (1864), навеянную горем от недавно пережитой кончины Е.А. Денисьевой. Сломленность, бессилие противостоять ударам судьбы, прикованность долу воплощены в образе птицы, «прижавшейся к праху».

Вяземский в ответном обращении использует образы из тютчевской миниатюры «Поэзия» (1848), в которой говорится о творчестве как средстве восстановления гармонии и согласия в мире и душе поэта. Вяземский подхватывает мысль Тютчева об очищающей и примиряющей силе искусства. Поэзия – посланница небес, воплощение согласия и разума бытия.

Скорбь и печаль, исторгнутые струнами лир поэта, гармоничны и благословенны. Это живая скорбь, которая не уводит от горнего мира, но приближает к его высотам. «Язвы злополучья» под поэтическим пером преобразуются в «перлы созвучий», облагороженную, небесную, возвышающую душу муку. Вяземский говорит не о «бессилье», а о звучности, то есть о силе и красоте поющего голоса, даже если он поет о муке, и этот голос тем громче, чем сильнее он трогает чужую душу, переливая в нее печаль и заставляя переживать чужое горе, как своё собственное.

Твоя подстреленная птица
 Так звучно-жалобно поет,
 Нам так сочувственно певица
 Свою тоску передает,
 Что вчуже нас печаль волнует,
 Что, песню скорби возлюбя,
 В нас сердце, вторя ей, тоскует
 И плачет, словно за себя. [5, с. 387]

Помимо непосредственных откликов, посланий, адресованных друг другу, несомненна мотивная и образная близость произведений Тютчева и Вяземского, создающая поле для опосредованного поэтического диалога.

Противопоставление ночи и дня характерно для обоих поэтов. Причем здесь можно выделить два аспекта: ночь как избавление от вседневных забот, житейской суеты и ночь как обнажение истинной сути мира. В стихотворении Тютчева «Еще шумел веселый день...» (конец 1840-х годов) мир теней противопоставлен шуму и пестроте «стозвучного» дня. Невнятная утомительная разноголосица дня разрешается в согласный аккорд вечернего мира, несущего покой и умиротворение.

Любование красотой природы в вечерних сумерках – отправная точка, ведущая к погружению

внутри себя, в собственное бытие. Сумерки даруют расслабление, умиротворение, мягкость чувств: «И мягкостью и теплотой прежней / Разнежится унылая душа». Сумерки как угасание дня ближе мироощущению уже пожившего человека, нежели суетливый, кричащий, слишком яркий и потому утомительный день. Сумерки души созвучны сумраку природы.

Тютчев:

О, как пронзительны и дики,
 Как ненавистны для меня
 Сей шум, движенье, говор, крики
 Младого, пламенного дня...
 О, как лучи его багровы,
 Как жгут они мои глаза!..
 О ночь, ночь, где твои покровы,
 Твой тихий сумрак и роса!..

(«Как птичка раннею зарей...», 1831-1836) [7, I, с. 218]

Вяземский:

Порою неводержных лет
 Мы любим пыл и блеск страстей,
 Но полурадость, полусвет
 Нам на закате дня милей.
 («Моя вечерняя звезда...», 1855) [5, с. 335]

Настоящая жизнь начинается для Вяземского тогда, когда «дня стихают голоса» и на его смену заступает «серебряная ночь», полная живительной прохлады и мечтательной тишины. Именно в это время он получает возможность общаться с милыми его сердцу призраками, навещающими его из минувшего. В сумерках в душе человека ярче загораются «сердечные преданья», легче осуществляется возврат в прошлое: «При свете вечеряющего дня, / Мой детский возраст смотрит на меня» (7, II, с. 23).

Но не только умиротворение и негу приносит наступление ночи. Тютчеву и Вяземскому знакомое состояние беспомощности и одиночества человека перед лицом ночной стихии. Ночь выступает как иррациональное, неразумное начало, то время, когда «глухонемые демоны» ведут между собой беседу. Вяземский, как и Тютчев, так же чувствует демонов в ночи, в его душе просыпаются «одичалые» чувства. Если мир ночной для Тютчева бестелесен, то Вяземский физически ощущает ночную стихию. Он чувствует царапины, которые оставляют томительные часы бессонницы в его душе.

Но, скучные часы моей бессонной пытки,
 В движениях своих куда как вы не прытки,
 И, словно гириями, крыло обременя,
 Вы тащитесь по мне, царапая меня.
 И сколько диких дум, бессмысленных, несвязных,
 Чудовищных картин, видений безобразных,
 То вынырнув из тьмы, то погружаясь в тьму,
 Мерещатся глазам и греются уму!
 (Бессонница, 1861) [5, с. 370]

У Тютчева хаос пожирает человека, в «Бессоннице» Вяземского появляется образ змеи, глотающей ночные часы. К ночным откровениям невозможно привыкнуть, несмотря на исконную, «родимую» связь между хаосом и душой человека: «язык для

всех равно чужой ...» (Тютчев), «как будто в первый раз» (Вяземский). Бодрствование ночью – это нарушение порядка, установившейся нормы, человек нечаянно становится свидетелем того, чего видеть и слышать не должен. Ночь – это царство истины, в отличие от обманчивого дня, прекрасный покров которого не более чем легко сдергиваемая декорация. Избавиться от ночной стихии непросто и днем, так как остается на человеке отзвук ночных ужасов, «вчерашний зной, вчерашний прах».

Ночь вызывает злые мысли,
 Чувств одичалость, горечь дум;
 Не перечислишь, как ни числи,
 Все, что взбредет в мятежный ум.
 («Совсем я выбился из мочи!..», 1863) [5, с. 375]

Несомненно образная переключка всех трех «Бессонниц» (двух тютчевских и одной Вяземского). Мотивы покинутости, сиротства, неизбежного одиночества человека, молящего о любви и не получающего на свои чувства ответа, объединяет эти стихотворения. Однако если в «Бессоннице», написанной в 1820-е годы, Тютчев больше прислушивается к стенам времени, то в более поздней «Бессоннице» (1873) его занимает «жалкий стон» страдающего человека. Ночной порой «бьет» по сердцу Вяземского «однообразный ход часов», «бьет» в «недремлющие очи» Тютчева унылый свет негреющей луны. Но если Тютчев все еще взывает к жизни и любви, Вяземский уже тяготится и тем, и другим, он устал от жизни, устал бороться с недугами и несчастьями, поэтому «от смерти только смерти ждет». В гулкой пустоте ночной тишины человек тщетно ищет сочувствия. Не получая отклика своим чаяниям, он утрачивает веру: тусклыми и потерянными на фоне ночи смотрят купола церквей. Ночью сердце человека чувствует себя «подкидышем», изнывает от тоски. Одиночество и беспомощность овладевают человеком и перед лицом смерти.

У Вяземского ночные страхи обусловлены в большей степени его личным нездоровьем, тогда как для Тютчева ночь – это разрушение дневной гармонии, обнажение истинной сути бытия, страшной и пугающей, один из центральных мифов его художественного мира.

В поэзии Тютчева и Вяземского есть близкие по тональности образы, которые воплощают в себе идеальную гармонию, помогающую преодолеть трагические размышления о бытии, о смерти. Таким образом явился Элизиум – образ царства мертвых, образ идеала, невозможного при жизни, но вполне вероятного после ее завершения. Для Вяземского там возможна встреча с ушедшими друзьями, а Тютчев делает Элизиум обозначением человеческой души («Душа моя – Элизиум теней...», 1831-1835). Только в Элизиуме возможно идеальное духовное существование поэта и милых священных призраков «минувших лучших дней», только в этом мире можно сокрыться от «бесчувственной толпы», суетного прозябания.

С течением лет Вяземский начал стремиться не к уходу в себя с целью внутреннего самоуглубления

и беседы с «призраками лучших дней», а к самозабвению, растворению в одухотворенном мире природы. Но если для Тютчева полное растворение своей индивидуальности в едином жизненном потоке, возвращение в лоно природы представляются естественными идеальным итогом земного пути человека, то Вяземский в отождествлении себя с миром природным зачастую не может избавиться от сознания собственной ущербности. Вяземский в поздней лирике вынужден причислить себя к растительному царству, потому что ослаблен нравственно и физически:

Нет, я растительного царства,
 Питаюсь теплым блеском дня;
 А жизни все ее мытарства
 Непроходимы для меня. (1876) [5, с. 413]

Созерцательно-пассивное, духовно-просветленное восприятие жизни для позднего Вяземского менее органично, чем для Тютчева.

Страшнее всего для Тютчева и Вяземского – омертвление души, затронувшее их своим холодным крылом.

Как ни тяжел последний час –
 Та непонятная для нас
 Истома смертного страданья, –
 Но для души еще страшней
 Следить, как вымирают в ней
 Все лучшие воспоминанья... [7, II, с. 202]

Вяземский сравнивает себя в одном из стихотворений с моллюском, приросшим к лагунам, «живым мертвецом», мечтает в отсутствии желанья «провести остаток дня». Тютчев мучается от бесплодных попыток «осознать себя», чувствует, как с каждым днем все сильнее «сохнет» его душа. Он боится утратить лучшие воспоминания, боится, что на смену живой тоске придет «тупая мука», поэтому призывает страдание, которое своим жгучим прикосновением освободит его от «духовного обморока», не даст заснуть его душе.

О, Господи, дай жгучего страданья
 И мертвенность души моей рассей –
 Ты взял Ее, но муку воспоминанья,
 Живую муку мне оставь по ней, - <...>

По ней, по ней, так до конца умевшей
 Страдать, молиться, верить и любить.
 («Есть и в моем страдальческом застое ...», 1865) [7, II, с. 167]

В лирической миниатюре Вяземского «Любить. Молиться. Петь» (1839) говорится об умении принимать выпавшие на долю человека страдания.

Кто чашу радости и горькой скорби чашу
 Благословлял всегда с любовью и мольбой
 И песни внутренней был арфою живою! [5, с. 468]

Это великий дар, когда человек видит в страданиях духовно-осмысленное явление, призыв к просветлению души, ведущий к совершенствованию. И.А Ильин писал: «Человек, которому послано страдание, должен чувствовать себя «не обреченным» и не «проклятым», а «вызванным», «посещенным»

и «призванным»: ему позволено страдать, дабы очиститься» [4, с.622].

Трагизм судеб высвечивает большую силу духа обоих поэтов, способных выстоять в мучительных борениях с веком, с самим собой, роковыми обстоятельствами, сохранив при этом верность нравственному идеалу.

Защиты и отдохновения оба поэта ищут в единении с природой. Вяземского и Тютчева роднит глубокое и сознательное убеждение в действительной, а не воображаемой только одушевленности природы. Красота для них – это не субъективная иллюзия, а истина, за достоверность которой ручается их собственное поэтическое чувство.

Отзыв сердца в природе не безответен, но нужен особый дар, чтобы услышать этот отклик. Не только лирические герои обзревают окружающий их мир, но и природа наблюдает за жизнью земли. Метафора звезды – очи, звезды – зеницы встречается и у Тютчева, и у Вяземского.

Тютчев:

Словно тяжкие ресницы
 Подымались над землею ...
 И сквозь беглые зарницы
 Чьи-то грозные зеницы
 Загорались порою...
 («Не остывшая от зною ...», 1850-1851) [7, II, с. 51]

Вяземский:

Когда ж сиянья лунной ночи
 Сады и воздух осребрят
 И неба золотые очи
 На землю ласково глядят...
 («Как свеж, как изумрудно-мрачен...», 1865) [5, с. 333]

Поэты любят «тихую красоту». «Сгорание дня» Вяземского созвучно тютчевским настроениям. Обоим поэтам влечет эстетика увядания, очарование увядающего в природе и человеческой жизни.

Как увядающее мило!

Какая прелесть в нем для нас,
 Когда, что так цело и жило,
 Теперь немощно и хило,
 В последний улыбнется раз!..
 («Обвеян вещью дремотой...», 1850) [7, II, с. 43]

Мимолетность, скоротечность красоты заставляет глубже почувствовать ее прелесть, наполняет душу «сладкой грустью». У Тютчева вечер еще принадлежность дневной стихии, хотя приметы стихии ночной уже видимы: это и «зловещий блеск», и «багряные листья» - «предвестники последнего часа» природы.

Тютчев:

Есть в светлости осенних вечеров
 Умильная, таинственная прелесть!..
 Зловещий блеск и пестрота деревьев,
 Багряных листьев томный, легкий шелест <...>
 Ущерб, изнеможенье – и на всем
 Та кроткая улыбка увяданья,
 Что в существе разумном мы зовем
 Божественной стыдливостью страданья.
 («Есть в светлости осенних вечеров...», 1830) [7, I, с. 189]

Вяземский:

В последнем зареве сгорающего дня
 Есть сладость тайная и прелесть для меня.
 (Сумерки, 1848) [5, с. 288]
 И тем дороже мне, чем ближе их утрата,
 Еще душестее цветки ее венка,
 И в светлом зареве прекрасного заката
 Сид угасающих и нега, и тоска.
 (Осень, 1874) [5, с. 405]

Природа даже умирает красиво, и в этом одно из многих ее преимуществ перед человеком. Тютчев оттого так восхищается в природе даже признаками увядания, что она для него ни умирает никогда – это смерть перед воскресением. Такова будет и доля человека, когда он по смерти сольется с миром природным: «И увядание земное / Цветов не тронет неземных...».

Не только «блаженство», «прелесть», «обаяние» Тютчев и Вяземский видят в явлениях природы, но и нечто высшее, божественное, святое.

Вяземский:

И словно к таинству природа приступила
 И ждет, чтобы зажглись небес паникадила.
 (Сумерки, 1848) [5, 288]
 И в это час, когда в тени немея,
 Все, притаясь, глубокий мир хранит
 И тихий ангел, крыльями чуть вея,
 Землей любуясь, медленно парит.
 (Вечер, 1861) [5, с. 372]

Тютчев:

Святая ночь на небосклон взошла... (1849) [7, II, с. 35]

В горнем выпрленном пределе
 Звезды чистые горели,
 Отвечая смертным взглядам
 Непорочными лучами ...
 («Кончен пир, умолкли хоры ...», 1849-начало 1850) [7, II, с. 34]

Чаще всего голос природы в сумерках и в ночи – это голос муки, скорби, сетований, стенаний, рыданий, что указывает не только на ее одухотворенность, но и трагичность. Переживания природы созвучны психологическому настрою души человека, полной тревоги и пророческих предчувствий.

Тютчев:

О чем ты воешь, ветер ночной?
 О чем так сетуешь безумно?..
 Что значит странный голос твой,
 То глухо-жалобный, то шумно?
 («О чем ты воешь, ветер ночной?», 1831-1836) [7, I, с. 221]

Вяземский:

И слушал я, как плачет море,
 Чтоб словно выплакать все горе
 Из глубины груди своей.
 Не выразит язык земной
 Твоих рыдающих созвучий,
 Когда, о море, в тьме ночной
 Раздастся голос твой могучий!
 («Опять я слышу этот шум...», 1867) [5, с. 395]

«Вечер года» в природе падает на осень, пору увядания, преддверие мертвого зимнего сна. В стихотворении Вяземского «Осень 1830 года» небеса нарисованы враждебными человеку, более того – они коварны: «Не верьте небесам: им чувство доверялось, / Но сардонически и небо улыбалось». Люди – «доверчивые гости» на прощальном пиру осени. Вяземский предощущает всю горечь неоправданных надежд и говорит о том, что царство человека на земле – мнимое. Человек – часть природы, ее венец, но именно он один унижен и оскорблен, подвержен страданиям и беспомощен перед бедствиями. С горькой иронией называют Вяземский и Тютчев человека «царем земли».

Вяземский:

Но светлых сих полей владетель и прохожий,
 Земного царства царь в владении своем,
 Один под бич поник униженным челом,
 Один среди богатств цветущего наследства,
 Он предан на земле в добычу зла и бедства.
 (Осень 1830 года) [5, с. 235]

Тютчев:

С поляны коршун поднялся (...)
 Природа-мать ему дала
 Два мощных, два живых крыла –
 А я здесь в поте и в пыли,
 Я, царь земли, прирос к земле!..
 («С поляны коршун поднялся...», 1831-1836) [7, I, с. 233]

В «Осени 1830 года» внимание Вяземского сосредоточено прежде всего на человеке, который способен воспринять «божью благодать» внешнего мира, только если он ощущает благодать в своей душе, когда красота природы и внутреннее его состояние находятся в гармоничном соприкосновении. Если красота окружающего мира не предназначена для человека, то, стало быть, она неприятна, даже кощунственна. В этом стихотворении явственно ощутимы тютчевские мотивы: чудесный природный облик не что иное, как легкий покров, скрывающий истинную суть бытия. А эта истинная суть – смертность и конечность земной жизни. Однако Вяземский, в отличие от Тютчева, не мыслит природу без человека.

В «Mal'aria» (1830) Тютчев восторгается красотой природы, уже тронутый смертоносным дыханием мора, потому что свято верит в то, что природе принадлежит бессмертие. Он предощущает, что на исходе земного пути человек сольется с природой. Прекрасные картинки, рождающиеся в потухающем сознании человека, находящегося на пороге смерти, как бы призваны облегчить его переход в иное состояние. Тютчев благословляет смерть, приходящую под покровом прекрасных грез, прозревая в том не обман, а высшую благодать провидения.

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
 Благоухания, цвета и голоса,
 Предвестники для нас последнего часа
 И усладители последней нашей муки –
 И ими-то Судеб посланник роковой,

Когда сынов земли из жизни вызывает,
 Как тканью легкую свой образ прикрывает,
 Да утаит от них приход ужасный свой!.. [7, I, с. 186]

Вечер жизни Тютчева и Вяземского скрашивает посещение призрака с «страстной женскою душой», проливающего отраду в измученные сердца, согревающего душу, поддерживающего уходящие силы. Именно этот призрак рассеивает тени, обхватившие весь небосклон жизни поэтов, продлевает сияние их вечернего дня.

Вяземский:

Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежее,
 Когда на западе заботливого дня
 Мой отдыхает ум, и сердце вечерее,
 И тени смертные снисходят на меня.
 («Ты светлая звезда ...», 1837) [5, с. 260]

Тютчев:

Крылом своим меня одень,
 Волненья сердца утиши,
 И благодатна будет тень
 Для очарованной души.
 («День вечерее, ночь близка...», 1851) [7, II, с. 67]

Как высшее воздание воспринимали поэты сочувственный отклик, видя в нем смысл и оправдание бытия.

Тютчев:

Когда сочувственно на наше слово
 Одна душа отозвалась –
 Не нужно нам возмездия иного,
 Довольно с нас, довольно с нас... (1866) [7, II, с.172]

Вяземский:

Но все же, может быть, рожден я не напрасно;
 В семье людей не всем, быть может, я чужой,
 И хоть одна душа откликнулась согласно
 На улетающий минутный голос мой.
 («Игрок задорный ...», 1875) [5, с. 409]

Тютчев и Вяземский – ярчайшие индивидуальности, со своей интонацией, мировосприятием, чьи поэтические голоса и судьбы в какой-то момент необыкновенно сблизилась, обнаружили духовное и душевное родство. Едва ли оправданно говорить об осознанном влиянии поэтов друг на друга, но несомненно присутствие общих черт в их творческом наследии, что побуждает литературоведческую науку к дальнейшему осмыслению их личностных и творческих взаимоотношений.

Список литературы:

1. Благой Д.Д. Тютчев и Вяземский // Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней: В 2 т. – М.: Сов. писатель, 1979. – Т. 1. – С. 374 – 404.
2. Бондаренко В.В. Вяземский. – М.: Молодая гвардия, 2014.
3. Вяземский П.А. Письмо к Я. К. Гроту от 2/IV 1874 г. // Старина и Новизна. - Кн. XIX. – С. 11.
4. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – С. 622.
5. Вяземский П.А. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1986.
6. Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. – IX т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – С. 190–221.
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. – М.: Терра, 1997.